

Колдовские

Миры

Моей маме Эльмире и бабушке Неониле –
двум самым сильным женщинам
из всех, кого я знаю.
Порой мне кажется, что вы родом из Мистиктауна!

Пролог

«Достойного принца в наши дни не так-то просто откопать», — любит повторять моя бабуля, и она чертовски права! Я уже полночи рою, а впереди ещё не меньше двух футов земли.

Устало откинув волосы со лба, я поправила часы, сложила руки на черенке лопаты и подняла лицо к небу, где висела яркая крупная луна в окружении веснушек звёзд. Сладко пели ночные птицы, ветерок доносил аромат мяты и шалфея... А я стояла на старом сельском кладбище, по пояс в земле, и откапывала принца, которому, по слухам, шесть сотен лет.

Во всём виноват Арий Лоск. Если бы не он, мне бы и в голову не пришло ничего подобного.

— Мы ведь оба с самого начала знали, что долго это не продлится, — небрежно заметил он во время нашего последнего разговора, поглядывая через плечо на столик, за которым сидели его друзья — самые популярные парни Мистиктауна.

— Знали? — дрожащим голосом переспросила я, всеми силами стараясь не выронить поднос с уткой по-пекински и печёной фасолью. В тот день была среда, и я работала в «Весёлом вороне» во вторую смену.

Он положил руку мне на плечо и наклонился вперёд, отчего волнистая прядка упала на лоб, сделав его до боли похожим на белокурого Джеймса Дина¹.

¹ Культовый актёр, молодёжный секс-символ 1950-х.

— У тебя имя странное и сумасшедшая бабка, — пояснил он.

— Ты бросаешь меня из-за бабули? — не могла поверить я.

— А ещё фриковые чулки.

Я опустила глаза на чередующиеся сиреневые и розовые колечки. Наверное, я первая девушка в истории, которую бросили из-за расцветки чулок.

— И так во всём, Виски. Так что для тебя это не могло стать неожиданностью.

Вот тут Арий ошибался. Ещё как стало! Я искренне верила, что у нас всё всерьёз и навек. Даже на яблоне в саду вырезала наши имена, а когда он спал, рисовала гелевой ручкой признания на тыльной стороне ладони.

В мою жизнь Арий ворвался этим летом. Он вбежал в наш паб, прикрываясь курткой от дождя, и, хотя тринадцатый столик был закреплён за Мариной, я подошла принять заказ, волнуясь, как школьница на рок-концерте, приглашённая в VIP-зону к кумиру. И в тот миг, когда он поднял голову и с улыбкой ткнул в апельсиновый пунш, я уже придумала имена нашим детям и даже кличку золотистому ретриверу, который у нас будет. Всем порядочным парам положен питомец, как в рекламе собачьих шампуней.

Целых два летних месяца безоблачного счастья, после которых он заявляет, что никогда не воспринимал меня всерьёз. А я ведь не сомневалась, что на Осенний бал мы пойдём вместе. Даже выкройки с чердака принесла, озаботившись фасоном платья...

Посетители паба привычно гудели. Я опустила голову, смагивая слёзы и стараясь взять себя в руки, и тут к нам подошли туфли. Понять, кто в них, не составляло труда: во всём городе только Регина Санкёр могла носить лабутены на алмазной шпильке.

Я заскользила взглядом выше, туда, где начинались идеальные ноги, а они всё не кончались и не кончались. В отношении Регины выражение «ноги от ушей» вовсе не фигуральное. Говорят, она застраховала их на неприличную сумму, а ещё её приглашают сниматься в рекламе. Естественно, не в шерстяных полосатых чулках.

Раздался звук поцелуя.

— Ты уже ей сказал, пупсик?

Я окончательно подняла глаза как раз в тот момент, когда пухлые губы Регины отлепились от щеки Ария, оставив на ней смачный след помады. Похоже, её поцелуи обладают какой-то мистической силой, вроде как высасывают мозг у парней, потому что вид у него стал совсем ошалелый.

— Да, — пробормотал он, глядя на неё, как я на пирожные после шести.

— Вот и чудно. — Она смерила меня пренебрежительным взглядом и направилась к столику, где сидели друзья Ария, на ходу бросив: — Добавь к заказу воду без газа и отварную спаржу.

В общем, тот день явно не войдёт в число приятных воспоминаний, которые я буду перебирать в памяти на склоне лет.

А вчера, возвращаясь после дневной смены, я заметила Регину в витрине «Звёздного шлейфа» примеряющей платье с открытой спиной. Чтобы купить такое, мне пришлось бы копить ещё полжизни, ну или продать почку. Весь город уже знал, что на Осенний бал Регина Санкёр и Арий Лоск идут вместе. Господин Улаф, хозяин «Весёлого ворона», даже выходной мне по этому случаю предложил, хотя не проявил такого понимания, когда моих родителей, ехавших с очередного сборища детей природы, унесло ураганом вместе со стареньким минивэном и мы с бабулей окончательно остались одни.

Это стало последней каплей.

Я привыкла, что на меня косятся и считают странной, но жалости не потерплю!

Если вы знаете лучший способ продемонстрировать всему городу, что меня ничуть не задело расставание с Арием Лоском, кроме как заявиться на бал под руку с настоящим принцем, готова его выслушать.

Я вдохнула поглубже, отогнала воспоминания и всадила лопату в землю. Ещё немного усилий, и раздался глухой стук. Откинув инструмент, я опустилась на колени и разгребла ладонями оставшийся слой.

Гроб принца украшал помпезный барельеф: чёрный шакал с серебряными крыльями повергал врагов мощным ударом лапы. Внизу корчились маленькие рыцари, один болтался в зубах, перекушенный пополам. Глаза шакала были выложены рубинами, а по периметру крышки бежала надпись, слишком старая и витиеватая, чтобы я могла её прочесть. Наверняка что-то про доблесть и отвагу того, кто упокоился внутри. Сбоку тускло поблёскивали замки.

Я снова взяла лопату и несколькими ударами сбила их. Когда отскочил последний, глаза шакала на миг вспыхнули алым.

Прежде чем приподнять крышку, я помедлила, собираясь с духом. Сами понимаете, момент ответственный: во-первых, принц мог оказаться не заколдованным, как принято считать, а самым обыкновенным, и тогда внутри меня ждёт горка костей и сгнившие тряпки. Во-вторых, не факт, что я сумею его разбудить, даже если он под действием чар. Ну и, наконец, самая важная причина: а вдруг легенды бесстыдно врут, как это принято у легенд, и покровитель города окажется лысым подслеповатым заморышем на две головы ниже меня? С таким трудновато будет кому-то что-то доказать на балу.

Но пути назад нет, поэтому я упёрлась острым краем лопаты, поднатужилась и откинула крышку. Из глубины поднялось облако мельчайших частичек, заставив меня закашляться. Я замахала рукой, разгоняя его. Наконец завеса рассеялась, явив взору лежащего внутри.

На атласной обивке покоился юноша в старинном бархатном дублете. Немного неожиданной стала поза: руки не скрещены на груди, а выставлены вперёд, пальцы скрючены, словно он скрёб крышку изнутри. Это ж в какой момент человека должно прихватить заклятие, чтобы он так выглядел?

В остальном легенды не врали: принц был душе-раздирающе красив (ну, или мне так показалось после опасений увидеть хилого старого хрыча). В общем, он был именно таким, каким и полагается быть принцам: загадочен, молод, на вид лет двадцати с небольшим — то есть чуть постарше меня, — а бледное лицо в обрамлении чёрных кудрей и сжатый в полоску рот с трагической складкой в уголке придавали ему сходство с морфинистами Викторианской эпохи. Вот только скулы неожиданно острые, смотрятся угрожающе. Но оно и понятно: не есть и не пить шесть веков!

Этот момент я предусмотрела, поэтому захватила из дома кусок лимонного пирога, пару яблок, сэндвич и колу — всё осталось в наплечной сумке на ограде. На тот случай, если оживший принц вздумает заpastь не на меня, а на Регину Санкёр, как все остальные парни в городе, я подмешала ему в газировку порошок из десяти листков болиголова.

Возле его головы белели косточки на кучке кольчужной трухи — видимо, того самого ворона Морока, верного сподвижника принца из легенды про основание города.

Я пригладила волосы, отряхнула платье и порылась в кармане в поисках бумажки с заклинанием. Вообще-то

никакого официального способа снять чары не существовало. Это мы с Неттой выяснили, когда обеим было по тринадцать: стояло лето и несусветная жара, а список чтения по литературе грозил вызвать приступ нарколепсии. Поэтому вместо изучения классиков мы прочесали сверху донизу городскую библиотеку (кроме закрытого архива), ища способ оживить красавчика, но так ничего и не нашли. В итоге придумали собственное заклинание, взяв за основу строку из сборника фольклора и добавив кое-что от себя. Как назло, на выходе из библиотеки столкнулись с Региной и её подружками-фуриями. Она вырвала из рук листок с «магической формулой», прочла его вслух манерно-насмешливым тоном под хихиканье своих подлиз и жеманно чмокнула. Настроение оказалось испорчено, и с тех пор мы с Неттой о принце не вспоминали.

Эту-то бумажку, завалившуюся по чистой случайности в нижнем ящике комода, я и прихватила с собой, надеясь на удачу и пресловутый семейный дар. Многие в городе считают нас, Финварра, ведьмами. Чуть, конечно: будь я ведьмой, очутилась бы в такой ситуации?

Я прочистила горло и, стараясь, чтобы голос звучал торжественно, но при этом кокетливо, прочла:

*Ещё не день, ибо светит луна,
Приди же ко мне тропею, что сокрыта днём,
Сим поцелуем я пробуждаю тебя, принц Варлог.*

Закончив, сложила бумажку, убрала, наклонилась и поцеловала его. Губы принца оказались твёрдыми, как мрамор, и такими же холодными. Я отстранилась, посмотрела на неподвижное лицо, кашлянула и на всякий случай поцеловала ещё раз. Ну ладно, я поцеловала его раз десять.

Ноль эффекта.

Едва не застонав от разочарования, поднялась с колен и ухватилась за край ямы. Закинула ногу, кряхтя подтянулась, кое-как выбралась наверх и направилась к сумке. Порывшись внутри, достала сэндвич с колой и устроилась на одном из надгробий. Итого вместо одной проблемы теперь две: придётся ещё и закапывать принца — не оставлять же захоронение в таком виде.

Я вгрызлась в бутерброд.

Может, стоило спеть ему? Бабуля как-то сказала, что моё пение в душе по утрам поднимет даже мёртвого. А ведь какой хороший был план! Жаль, ничего не вышло...

В траве рядом что-то зашуршало, и оттуда высунулась остренькая мордочка белки. У нас в Мистиктауне они странноватые, больше похожи на крыс, а не тех забавных пушистых зверьков, которыми пестрят иллюстрации в книгах.

Я отломил кусочек бутерброда и протянула ей. Белка схватила угощение и, пристроившись рядом, принялась жадно наворачивать за обе щеки. Я последовала её примеру. Провальный план отнял массу сил, а на работу мне в первую смену.

Внезапно на освещённый луной участок передо мной упала тень. Прямо за спиной стоял кто-то высокий, худой и с развевающимися кудрями.

Я медленно повернулась и выронила бутерброд, чувствуя, как к нижней губе прилип листик салата.

Там стоял принц, а над плечом у него бил костяными крыльями скелет ворона с пылающими алым глазницами. Когда я повернулась, оживший поднял голову, и очи вспыхнули, как два лунных омота. Скулы ещё больше заострились, верхняя губа вздыбилась, да и вся поза, напружиненная, с разведёнными локтями, больше напоминала звериную, чем человеческую.

Наконец опомнившись, я трясущимися руками потянулась к сумке.

— Доброе утро... то есть ночь, ваше высочество. С пробуждением! Наверное, голодны? Я тут захватила перекусить: не бог весть что, но лучших пирогов, чем у моей бабули, вам во всём городе не сыскать.

Принц по-птичьи наклонил голову к плечу, шумно втянул носом воздух и вдруг одним ударом пригвоздил белку к постаменту, сгрёб тушку и вгрызся в неё. Раздался хруст и возмущённый писк жертвы, не успевшей доесть свой последний в жизни сэндвич. Челюсти сомкнулись ещё раз, и он оборвался.

Принц отшвырнул зверька и выпрямился.

Глаза заволокло багрово-чёрным туманом. Он улыбнулся мне полным шерсти и крови ртом, и во взгляде завихрилось скопившееся за шесть веков безумие.

«Перцовый баллончик!» — мелькнула мысль. Бабушка подарила мне его на семнадцатилетие. Я продолжала судорожно шарить в сумке, лепеча что-то про пироги, Осенний бал и лабутены Регины Санкёр.

Внезапно с дороги раздались громкий сигнал и визг шин. Какой-то припозднившийся автолюбитель встретил лося или другого припозднившегося автолюбителя. Я на миг отвернулась, а когда снова посмотрела на прежнее место, принца уже не было, ворон тоже исчез. Только ветви боярышника тихонько покачивались.

Я поднялась и повернулась кругом, растерянно оглядывая пустое кладбище.

Кажется, в таких случаях принято говорить «ой»...

Глава 1

Я несколько раз обошла территорию кладбища, выкликая имя принца, но он так и не отозвался. Если бы не разворошённое захоронение и пустое ложе с вмятиной, решила бы, что мне всё примерещилось. В любом случае пора было возвращаться домой — до города ещё предстояло преодолеть пару миль вдоль шоссе.

Руки одеревенели от усталости и едва слушались, но я вернула крышку гроба на место, кое-как закидала землёй и разровняла лопатой. Потом нарвала у ограды мальву и очанку и воткнула сверху. Поправила декоративную урну. Вот так. Если не приглядываться, ничего не заметно. А приглядываться и некому: я ещё когда брала лопату из сторожки, обратила внимание на ворсистые ковры паутины и пуфики пыли — сюда несколько десятилетий никто не наведывался, не считая редких туристов, и наверняка ещё столько же не наведается. Кладбище старинное и закрыто для новых захоронений. Но лопату я всё равно исправно повесила на гвоздь, к другим инструментам для расчистки дорожек.

К тому времени, когда выбралась на шоссе, небо начало светлеть. По дороге я зевала и размышляла о том, куда мог направиться принц. Наверное, он уже за тридевять земель отсюда. Я бы на его месте делала ноги из нашей дыры. А учитывая резвость передвижений, не удивлюсь, если он прямо сейчас заходит в